

Клюшников Виктор Петрович

**Марево. СРоман в 4-х
частяхочинение В. Клюшникова**

Роман в 4-х частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Петрович К.**
Марево. СРоман в 4-х частях / Ключников В. Ключникова: Роман в 4-х частях / Ключников
Виктор Петрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 139 с.

ISBN 978-5-519-89394-7

ISBN 978-5-519-89394-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П Е Р Е Л О М Ъ.

I.

ВЪ МОРЬ.

Въ одной изъ каютъ парохода, державшаго на Венецію, мужская компанія шумно ужинала à la fourchette. Въ концѣ стола сидѣлъ Бронскій съ двумя Поляками, въ національныхъ костюмахъ. Подлѣ него развалился Леонъ, лѣниво помѣшивая свой грогъ. Молодой гарибальдіецъ, въ красной рубахѣ, съ жаромъ объяснялъ отставному зуаву позицію Аспромонте, разставляя по скатерти стаканы и обдавая собесѣдника залпами сигарнаго дыму. Французъ разсѣянно слушалъ, положи локти на столъ и на-свистывая марсельезу. Полная беззаастѣнчивость выражалась на лицахъ собутыльниковъ, несмотря на то что, обращаясь къ Бронскому, всѣ они звали его генераломъ. Какъ только вино пошло въ круговую и разговоръ сталъ общимъ, графъ оставилъ свое мѣсто и поднялся на палубу.

Темная ночь. Волны словно подлащиваются къ пароходу; бѣлая пѣна съ глухимъ гуломъ дробится въ колесѣ. Инна стоитъ, облокотясь на бортъ и глядя на воду; въ ушахъ смутно проносятся крики капитана, возня матросовъ. У ней на умѣ какая-то безпредметная дума.

— Что жъ вы ушли отъ насъ? сказалъ графъ, насилу разглядѣвъ ее при тускломъ свѣтѣ мѣсяца въ бѣлесоватыхъ краяхъ черныхъ облаковъ.

— Что жъ мнѣ-то? Я тамъ лишняя, только мѣшала бы.

Графъ оперся на бортъ возлѣ нея, спиной къ морю.

— Право, какъ посмотрю я, какъ имъ весело, какія они всѣ беззаботныя головы, даже страшно становится... Вѣдь этимъ шутить нельзя, дѣло затѣяно громадное... Неужели намъ на такихъ только разчитывать?

— Вотъ ужъ и на такихъ! отвѣтилъ Бронскій: — это такъ, для обстановки; чтобы видѣли, что наше дѣло—дѣло всѣхъ національностей... Шли бы вы себѣ въ каюту, ночью будетъ безпокойно, да надо жъ и отдохнуть.

— Немногимъ приходится въ голову, что тамъ, на твердой землѣ, за крѣпкими затворами, скоро будетъ также ненадежно, какъ здѣсь, задумчиво проговорила она.

— Нѣтъ, многимъ; вы что-то ужъ слишкомъ свысока на людей нынче глядите.

— Отчего жъ этого никто не высказываетъ?

— Я думаю оттого что въ азбукѣ есть.

— Знаете, я сама очень люблю этотъ тонъ, а сегодня онъ мнѣ почему-со непріятенъ.

— Можетъ-быть вы въ морѣ перерождаетесь?

— Нѣтъ, рѣшительно никакой глупости не могу возразить... Покойной ночи!

— Завтра Пасха, напомнилъ ей Бронскій.

Она кликнула Лару, прошла въ свою каюту и влѣзла въ койку.

Полгода перелетной, заграничной жизни, со всѣми раздражающими впечатлѣніями новизны, пролетѣли для нея какъ одна недѣля. Она прожила ихъ, какъ во снѣ, ловя на лету блескъ и роскошь утонченной цивилизаціи городовъ, которыми проѣзжала, мнѣнія новыхъ людей, съ которыми сталкивалась.... Все это на досугѣ поднялось въ головѣ хаотическою массой воспоминаній; разгоряченный мозгъ боролся съ дремотой, рисуя безсвязныя картины.

То входитъ она съ графомъ въ засѣданіе польскихъ эмигрантовъ, то раздаётся барабанная дробь, и красноногій батальонъ, сверкая штыками, идетъ по улицамъ Рима; а тутъ же на площади народъ тѣшится полетомъ голубей изъ подъ криолина восковой immaculaty.... Вдругъ она вздрагиваетъ и поднимается въ койкѣ, такъ четко ей кинулось въ глаза свирѣпое лицо голоднаго ладзарона въ Неаполѣ.... И опять сквозить въ дремотной истомѣ: Эльба и

Капрера! Два воспоминанія, два человѣка: одинъ задавилъ свободу, и, зажмура глаза, пошелъ къ тому крайнему абсолютизму, для котораго лошади дороже людей; другой вызвалъ революцію и сталъ орудіемъ чужой мысли. Награда? Одинъ томился на Эльбѣ, другой хромаетъ на Капрерѣ. Результатъ? Гегелевскій нуль! Полипъ, что теперь беззаботно шевелить шупальцами у самаго колеса парохода, которое въ пылъ его сотретъ?... Она стала забываться въ болѣе или менѣе всѣмъ знакомой галлюцинаціи: какъ будто свѣтлый шарикъ выдѣлялся изъ колеблющейся массы, то зеленоватаго, то лилового цвѣта, и все росъ да росъ, охватывая ее, и она качалась въ какомъ-то вихрѣ изъ стороны въ сторону... «Не робѣть!» Надъ самымъ ухомъ ободряетъ голосъ графа, рука его крѣпче охватываетъ Инну, и все выше, выше поднимаются они, шагъ за шагомъ, по древнимъ ступенямъ Стразбургской башни; массивныя рѣзныя фигуры звонко бьютъ молотами въ мѣдныя чаши полночь, пробуждая какія-то тѣни, окутанныя бѣлымъ; сквозь стекла готическихъ оконъ угрюмо темнѣетъ внутренность собора и глухо звучитъ органъ; страшно взглянуть внизъ, до того мелки окрестности города; такъ и тянетъ перевѣситься черезъ край балюстрады... Стой! громадная балка загородила дорогу, дальше нельзя... «Прочь ее!» снова гудитъ голосъ графа, отзываясь въ готическихъ сво-

дахъ, и сильная, жилистая рука раскачиваетъ балку; перила трещать, лопнули, посыпались грудой обломковъ; Инна хватается за-стѣны... онѣ шатаются, накренились, рухнули; полъ провалился подъ ногами съ гуломъ и грохотомъ.... Они падаютъ, падаютъ, падаютъ... Она проснулась.... Шумъ, возня какая-то.... Что-то стукнуло наверху.... Она выскочила изъ койки, не удержалась на ногахъ и упала,... Подсвѣчникъ прозвенѣлъ въ темнотѣ.... Стулъ съ шумомъ проѣхалъ мимо.... Лара скользилъ по паркету, съ воемъ бросаясь именно туда, гдѣ полъ поднимался. Она съ трудомъ добралась до дивана, привинченнаго къ стѣнѣ, и ухватилась за него.

— Инна! крикнулъ Бронскій, вбѣгая опрометью и натыкаясь на нее:—вы не бонтесь?

Она молчала.

— Вы не испугались, Инна? Онъ взялъ ея руку.

— Чтò это, буря? старалась она придать голосу спокойный тонъ.

— Шквалъ.... Я не хотѣлъ беспокоить васъ. Этого ждали съ утра.

— Вы напрасно не сказали мнѣ.... Неужели вы меня считаете трусихой?

— Простите.... Я только проснулся и бросился къ вамъ.... Я буду съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не трушу, а такъ.... Ну, да, трушу немножко.... Пойдемте на верхъ,

вы тамъ нужны.... А я буду бодрить другихъ.... Видите, у меня и страхъ-то особенный добавила она, улыбнувшись.

Сильный толчокъ кинулъ ее къ Бронскому; онъ схватилъ ее и прижалъ къ груди. Она тотчасъ освободилась и съ неудовольствіемъ проговорила: — Пойдемте же!

Они взялись за руки и взбѣжали на палубу.

Фонари мигали красноватыми пятнами въ потемкахъ; вѣтеръ свистѣлъ въ снастяхъ; съ трескомъ и скрипомъ качалась мачта; волна за волной поднималась бѣловерхимъ холмомъ, изрѣдка хлестала черезъ бортъ, и, рассыпаясь пѣнистыми брызгами, обдавала гладкія доски, вѣя въ лицо мокрою пылью. Паракордъ почти ложился на воду... Инна, остановясь у трапа и привыкнувъ къ полутъмѣ, различила темныя фигуры людей, копошившихся у фонарей.

— Каково?! Бравировалъ Бронскій.

— Чѣмъ же восхищаться-то? отвѣтила она: — только страшно.. Самая безтолковая смерть...

— Къ помпамъ! гаркнуло нѣсколько голосовъ изъ подполья.

Бронскій высвободилъ руку и пропалъ въ потьмахъ; двѣ, три тѣни пробѣжали мимо Инны. Капитанъ отрывисто покрикивалъ въ рупоръ.

— E pericolo? крикнула ему Инна, уцѣпившись за канатъ.

— No, no signora, nullo! спокойно отвѣтилъ

онъ. — Венеція передъ нами, только пристать нельзя, будемъ лавировать до утра.

— Братъ! братъ гдѣ? обратилась она къ Французу, перебиравшемуся къ ней по снастямъ.

— Спать; онъ немножко перехватилъ, усмѣхнулся тотъ.

«Спать!» подумала она; «нѣтъ, хватить ли силы иначе, а только безсознательно умирать скверно.»

— Она простояла у каната до утра, пока вѣтеръ замѣтно не стихъ и не далъ вздохнуть матросамъ. Задержувъ горизонтъ, надъ головою плыла сѣро лиловая масса тучъ, разрываясь туманными просѣлками. Чайки невѣрнымъ полетомъ, будто грязные платки, трепетали по вѣтру, спускались къ водѣ, окунались и снова съ унылымъ крикомъ плавными рѣзмами рѣяли кверху. Волны зелеными грядами, бѣлыми гребнями валились на бокъ отъ парохода и, уходя въ даль, сливались въ ровный фонъ, перерѣзанный бѣловатою полоской зданій на Венеціанскомъ берегу.

Бронскій вылезъ изъ трюма на палубу, задыхаясь отъ усталости. Куртка распахнулась, мокрыя кудри спускались на лобъ, покрытый крупными каплями пота; глаза смотрѣли весело, самодовольно.... Онъ былъ очень красивъ.

— Прошло? обратился онъ къ капитану:—

славно поработалъ помпами; въ трюмѣ маленькая течь.

Инна выпустила канатъ и подошла къ нему.

— Христось воскресе! По вашему, по-русски, поцѣлуемтесь же! сказалъ графъ, весело глянувъ ей въ лицо.

— *Во истину*, серіозно проговорила она, вытерла ему лобъ платкомъ и поцѣловала.

Въ полдень, измученная бессонницей, истомленная ночью тревогой, она вышла изъ гондолы на Рива-ди-Шіавони. Леонъ донесъ ее на рукахъ по мраморной лѣстницѣ отеля въ отдѣльную комнату, гдѣ она и проспала до слѣдующаго утра.